

NON SEQUITUR: ДИСКУРСИВНЫЙ МАРКЕР СЛЕДОВАТЕЛЬНО В ПОЭТИЧЕСКОМ И СУДЕБНОМ ДИСКУРСАХ

О. В. Соколова

Институт языкознания РАН,
Россия, 125009, Москва, Большой Кисловский пер., 1 стр. 1
Поступила в редакцию 05.10.2025 г.
Принята к публикации 29.01.2026 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2026-2-8

Статья посвящена анализу маркера причинно-следственной связи следовательно в поэтическом и судебном дискурсах. Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью прагматического потенциала дискурсивных маркеров в институциональных и художественных типах коммуникации. Цель работы заключается в выявлении различий в функционировании этих маркеров в дискурсах с противоположными коммуникативными установками – лингвокреативной и нормативно-регулятивной. Материал исследования включает корпусы поэтических и судебных текстов. Методология основана на корпусно-дискурсивном и прагматическом анализе с привлечением теории речевых актов. В поэтическом дискурсе причинно-следственные маркеры могут утрачивать функцию логического вывода и переосмысливаться как средства метаязыковой рефлексии и нарушения логико-синтаксических связей. В судебном дискурсе, напротив, данные маркеры включаются в устойчивые формулы и реализуют декларативную иллокутивную функцию, фиксируя институционально значимое решение и создавая эффект логической неизбежности. Сделаны выводы о дискурсивно обусловленной асимметрии прагматических эффектов причинно-следственных маркеров, что позволяет выявить их лингвокреативный потенциал в поэзии и манипулятивно-регулятивную функцию в судебной коммуникации.

Ключевые слова: дискурсивные маркеры, манипулятивность, метатекстовая функция, поэтический дискурс, прагматика, причинно-следственная связь, судебный дискурс

Следовательно я считаю, что подсудимый
не мог даже войти в ту комнату, бац доказано.
А. Введенский

1. Введение: функции дискурсивных маркеров

Несмотря на значительное количество исследований, посвященных дискурсивным маркерам (ДМ), их статус, функции и классификация остаются предметом дискуссий, что отражается в разнообразии теоретических подходов и терминологических решений¹. Среди основных характеристик ДМ выделяется то, что они участвуют в организации

© Соколова О. В., 2026

¹ Обзор различных теорий и направлений исследования ДМ см., например, в (Dér 2010; Соколова, Захаркив 2025).

дискурса, в частности маркируют отношения между сегментами высказывания, выражают отношение говорящего и управляют процессом интерпретации со стороны слушающего. Количество функций, характеризующих ДМ, варьируется в зависимости от теоретического подхода. Наиболее широкие подходы исходят из выделения одной базовой функции, объединяющей ДМ, в качестве которой выступает «указание на структуру дискурса» (Schiffrin 1987) или «метакоммуникативная функция» (Furkó 2005, p. 16). В этом ключе ДМ могут рассматриваться как элементы метаязыка, то есть как средства «использования языка для сообщения о процессе его употребления», указывая не на внешнюю реальность, а на сам текст, на взаимодействие между его носителями или на процессы, лежащие в основе вербализации (Maschler 2009, p. 1).

Согласно классическому определению Д. Шиффрин и Й. Машлер, основной чертой ДМ является возможность «метаязыковой интерпретации»² в конкретном контексте употребления. В отличие от высказываний, отсылающих к внеязыковой действительности, ДМ ориентированы на организацию самого дискурса: они регулируют текстовые связи, межличностные отношения между участниками коммуникации (или между говорящим и высказыванием), а также выражают когнитивные процессы говорящего (Maschler, Schiffrin 2015, p. 194).

Хотя существующие классификации ДМ опираются на разные концепции и традиции, большинство из них строится вокруг разграничения базовых функциональных доменов, которые практически приравниваются к самим группам маркеров. Так, в классификации Д. Шиффрин и Й. Машлер выделяются текстовые, интерперсональные и когнитивные ДМ (Ibid., p. 196). Схожую функциональную триаду предлагает К. Баццанелла, выделяя интерперсональную, метатекстовую и когнитивную макрофункции, каждая из которых реализуется через набор микрофункций (Bazzanella 2005). В рамках метатекстовой макрофункции К. Баццанелла различает микрофункции, выраженные маркерами фокусирования, переформулировки и демаркации, или разграничения, которые включают итальянские ДМ введения / презентации (*qui, ecco, dirò*), перехода (*e poi, allora, (av)venne che, or(a)*), перечисления (*or/ora, e più fece*) и аргументативного вывода (*(a)dunque, or(a)*) (Bazzanella 2010).

Развивая модель Б. Фрейзера (Fraser 1996), который, в частности, выделяет ДМ причинно-следственной связи (“inferential markers”: *Donna left late. However, she arrived on time*), Э. Трауготт разграничивает три типа прагматических маркеров на материале английского языка: эпистемические (*surely*), интерперсональные (*well, please*) и метатекстовые (*therefore, moreover, admittedly*) (Traugott 2018, p. 27–28). Согласно Э. Трауготт, метатекстовые маркеры характеризуются прагматическим, а не содержательным значением и служат для установления отношений между

² Под «метаязыковой интерпретацией» (*metalingual interpretation*) понимается базовое свойство ДМ комментировать сам процесс коммуникации (организацию высказывания, отношения между говорящими, мыслительные процессы), а не описывать предметы и события внешнего мира. Ср. не метаязыковое высказывание о внешнем мире (*Дождь идет*) и высказывание с метаязыковым комментарием (*Ну и пусть дождь идет*).

предложениями или высказываниями. Их область действия распространяется на сопровождающую их клаузу, а позиционно они, как правило, предшествуют или следуют за соответствующей клаузой либо за ее финитным глаголом.

В русскоязычной традиции отсутствует единый термин для обозначения группы единиц, выражающих причинно-следственные отношения и относящихся к метатекстовым дискурсивным маркерам (МДМ). В литературе используются различные наименования, такие как «маркеры вывода» (Новикова 2015), «инференциальные маркеры» (Сытько 2023), «маркеры причинно-следственной связи» (Мишиева 2015) и др. В настоящей работе используется термин «маркеры причинно-следственной связи» (МПСС), который отражает функциональную специфику данных единиц и наиболее распространен в отечественной лингвистике.

Существуют специальные исследования, посвященные МДМ на материале обыденного языка (Bazzanella 2005; 2010; Sansò 2020; Traugott 2021), политических и художественных текстов (Furkó 2020), а также на базе параллельных корпусов (Говорухо 1998; Pecorari, Pinelli 2024). Однако сопоставительный анализ этих прагматических единиц с учетом языковой и дискурсивной специфики до настоящего времени не становился предметом систематического исследования.

Развивая принципы корпусно-дискурсивного анализа прагматических единиц³ в целом и МДМ⁴ в частности, в настоящей работе мы проведем сопоставительный анализ двух полярных типов дискурса, отличающихся как по целям, так и по средствам выражения — поэтического и судебного⁵, с тем чтобы выявить специфику функционирования ДМ *следовательно*⁶.

Полярность этих дискурсов определяется, во-первых, тем, что они соотносятся с различными дискурсивными модусами — персональным и институциональным. В терминологии В.И. Карасика поэтический дискурс относится к личностно-ориентированному дискурсу, а именно к его бытийному типу, «предназначенному для нахождения и переживания существенных смыслов», художественного и философского постижения мира (2002, с. 193). Вместе с тем отмечается, что «некоторые формы литературы и других вербальных искусств могут заимствовать черты как институциональных, так и бытовых разновидностей дискурса» (Фещенко 2023, с. 237).

³ См. подробнее: (Соколова, Фещенко 2024).

⁴ Междискурсивный анализ МДМ в современной поэзии и разговорной речи см.: (Sokolova 2025).

⁵ Отметим интерес исследователей к анализу языковых средств выражения аргументации в судебном дискурсе на примере романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» (Зрелова 2018) и к изучению форм выражения процесса аргументации на материале гибридного жанра «поэтического трактата» в текстах русского авангарда, современной русскоязычной и американской поэзии (Фещенко 2024).

⁶ Благодарю Т.Б. Радбиля за вдохновляющий совет изучить специфику употребления *следовательно* в судебном дискурсе.

Таким образом, поэтический дискурс может рассматриваться как пограничный тип, расположенный между бытовым, бытийным и институциональным дискурсами. В противоположность этому судебный дискурс представляет собой прототипический институциональный дискурс. Согласно В.И. Карасику, институциональный, или статусно-ориентированный, дискурс определяется как «речевое взаимодействие представителей социальных групп или институтов друг с другом» (2002, с. 193).

Во-вторых, полярность этих дискурсов обусловлена их коммуникативными установками: поэтический дискурс ориентирован на языковое творчество и продуцирование новых смыслов, тогда как судебный дискурс выполняет нормотворческую и регулятивную функцию. Из этого различия вытекают их ключевые свойства: поэтический дискурс характеризуется полисемией, полифункциональностью и отклонением от конвенциональных логико-семантических и грамматических связей, что во многом обусловлено нелинейным членением, ритмической и композиционной организацией поэтического текста⁷. Судебный дискурс, напротив, ориентирован на однозначность интерпретации, логическую непротиворечивость, связность и предсказуемость аргументации, поскольку от корректности вывода напрямую зависят институциональные и правовые последствия. Основной характеристикой юридического и судебного языка является использование «специализированных, шаблонных и конвенциональных выражений, имеющее решающее значение для формирования того или иного жанра судебного текста», что описывается как языковая «формульность» и «стандартизация» (Goźdz-Roszkowski 2011, p. 21)⁸.

В основе сопоставления поэтического и судебного дискурсов лежит гипотеза, что прагматические единицы в них обретают дополнительные функции, которые не зафиксированы лексикографически⁹. При этом изменение функций ДМ проявляется по-разному в разных типах дискурса, что позволяет говорить о тенденции к расширению спектра функций и неснятой полифункциональности¹⁰ в современной поэзии.

⁷ См. определение и характеристики поэтического дискурса в (Соколова, Захаркив 2025).

⁸ О судебном и юридическом дискурсах см. также: (Дубровская 2010; Радбиць, Юматов 2014), анализ судебного дискурса с точки зрения теории речевых актов см. в (Босов 2025).

⁹ Согласно (Морковкин 2003, с. 319–320), следовательно специализируется на выражении причинно-следственного и аргументативного вывода.

¹⁰ Под неснятой полифункциональностью мы понимаем одновременную актуализацию нескольких функций ДМ в одном и том же контексте без их сведения к одной доминирующей функции. Термин используется по аналогии с понятием неснятой полисемии, применяемым для описания случаев, когда разные значения языковой единицы сосуществуют и интерпретируются параллельно, не нейтрализуя друг друга. В случае ДМ речь идет не о множественности значений в лексико-семантическом смысле, а о наложении и взаимодействии различных функций (метатекстовой, интерперсональной, когнитивной) в конкретном дискурсивном окружении.

Хотя в исследованиях ДМ полифункциональность рассматривается как их ключевое свойство и подчеркивается, что одна и та же единица может выполнять различные функции в зависимости от контекста (о метатекстовой и интерперсональной функциях *you know* см.: (Müller 2005, p. 147)), в поэтическом дискурсе наблюдается не просто контекстуальная вариативность, а намеренное совмещение нескольких базовых функций, а также дополнительных функций в рамках одного употребления¹¹.

При этом функциональный диапазон в судебном дискурсе, хотя и отличается от обыденного употребления, в целом характеризуется ограниченным количеством функций, что связано с его эксплицитной установкой на фиксацию правовых норм и имплицитной установкой на манипулятивность.

2. Материал и методы

Исследование основано на материале корпусов поэтических и судебных текстов на русском языке. Поэтический материал включает составленный нами корпус новейшей поэзии (КНП; 1960–2020-е годы)¹² и Поэтический корпус НКРЯ (ПК НКРЯ). Ввиду отсутствия общедоступного аннотированного корпуса судебных текстов на русском языке нами был создан корпус на основе базы судебных и нормативных актов РФ (СудАкт: <https://sudact.ru/>)¹³. С целью создания сбалансированного корпуса мы включили в него документы, относящиеся к судебной практике разных судов (Верховного суда, арбитражных, республиканских, областных и других судов).

Методологически исследование опирается на корпусно-дискурсивный, прагматический и сопоставительный анализ, направленный на выявление функций МПСС в различных типах дискурса. Анализ проводился на уровне минимальных дискурсивных единиц, включающих два связанных сегмента высказывания.

Употребление маркера логической связи предполагает наличие в высказывании двух компонентов: *P* – аргумента, посылки или условия и *Q* – вывода или следствия. В конструкциях типа *P* [следовательно] *Q* ДМ служит для вербализации логической связи между *P* и *Q*, сигнализируя, что *Q* является не просто последующим событием, а именно логическим следствием *P*. Подчеркнем, что в отличие от логической формулы $P \rightarrow Q$, употребление того или иного маркера в высказывании связано с рядом дополнительных значений и функций, включая каузальность, эпистемическую уверенность и субъективное отношение говорящего.

¹¹ О «преднамеренной» или «случайной» неоднозначности (Furkó 2005, p. 60) как способе достижения манипулятивного эффекта в политическом дискурсе см.: (Furkó 2020, p. 75).

¹² Описание КНП см.: (Соколова, Фещенко 2024).

¹³ Данный интернет-ресурс представляет собой крупнейшую официальную базу судебных актов, решений и нормативных документов, размещенных онлайн.

Поскольку основными чертами поэтического высказывания являются нелинейное членение, ритмическая и композиционная организация, автореференциальность и автокоммуникативность, МДМ в поэзии регулярно участвуют в нехарактерной для них роли дезорганизаторов логико-семантических, грамматических и синтаксических связей, в силу чего их можно назвать своеобразными «дисконнекторами», когда они выступают в роли единиц, несущих дополнительную прагматическую нагрузку по выражению процедур инференции и по привлечению внимания адресата. При этом МДМ в поэтическом высказывании могут выступать в роли как коннекторов, так и «дисконнекторов», что позволяет выделить более широкий спектр их функций по сравнению с другими типами дискурса.

3. Функционирование *следовательно* в поэтическом дискурсе

Логичность как нормативная черта обыденной и институциональной коммуникации неоднократно становилась объектом метаязыковой рефлексии в литературе абсурда (Ревзина, Ревзин 1971). Особое место занимает судебный дискурс как образец предельной рациональности и стереотипности, что делает его языковые клише объектом пародирования у А. Введенского, Д. Хармса, Ф. Кафки и др. Характерный прием — формальное воспроизведение аргументативных структур при разрушении их логической валидности, когда маркеры функционируют как риторические сигналы вывода, не обеспечивая логического основания. Например, у А. Введенского в стихотворении «Пять или шесть» (1929): *Следовательно я считаю, что подсудимый не мог даже войти в ту комнату, бац доказано*, — логический маркер функционирует не как средство дедукции, а как перформативный указатель на завершение рассуждения, имитирующий институциональную доказательность и тем самым обнажающий ее условность. Схожий прием встречается у Д. Хармса в рассказе «Реабилитация» (1940): *Испражняться — потребность естественная, а, следовательно, и отнюдь не преступная. Таким образом, я понимаю опасность моего защитника, но все же надеюсь на полное оправдание, где следовательно оформляет логический вывод, который является тривиальным, а потому логически избыточным, что демонстрирует автоматизм юридического рассуждения.*

В диахронической перспективе в русской поэзии *следовательно* начинает встречаться с эпистол В. Тредиаковского (1750—1754), где оно употребляется в прямом значении как МПСС, но наделяется онтологическими коннотациями, указывая на божественную, а не человеческую логику: *Человечь ум сделан, следовательно, другим. / Но другой сей здатель, сотворен наш ум каким.* В текстах XIX века, по данным ПК НКРЯ, *следовательно* не встречается, и его вхождения выявляются лишь в текстах XX века, где оно обретает новые функции, превращаясь из маркера логической связи в объект метаязыковой рефлексии.

Например, в тексте Н. Байтова, насыщенном отсылками к математической логике и теории доказательства, *следовательно* лишено четкой логической посылки и не обозначает формального вывода в строгом смысле:

— Топчутся логики в тайном том уголке —
— Топчутся логий толпы
в пыльном том, который —
— Ржавая скобка. Скоро —
— И **следовательно** — из разбежавшегося и процветшего,
где просвечивает...
Теорема Ф[и] информирует <...> (Н. Байтов).

Напротив, ДМ выступает как знак самой процедуры доказательства, воспроизводящий шаблон логического рассуждения.

В XX и XXI веках взаимодействие поэтического и судебного дискурсов получает новое осмысление в рамках документальной поэзии (docupoetry), сближающей художественный текст с институциональными жанрами: свидетельством, протоколом, приговором. Характерными примерами являются поэмы Ч. Резникоффа «Свидетельство: Соединенные Штаты, 1885–1915» (“Testimony: The United States 1885–1915”, 1965) и «Холокост» (“Holocaust”, 1975), основанные на судебных материалах, а также поэма Н. Кули «Пострадавшие девушки» (“The Afflicted Girls”, 2004), созданная на базе архивных документов, связанных с процессами в Сейлеме XVII века. В русскоязычной поэзии сходная стратегия реализуется в книге Л. Юсуповой «Приговоры» (2020), написанной на материале судебных решений и обвинительных приговоров, где «специфическое транспонирование языка выставляемого документа осуществляет критику фактического судебного дискурса, вскрывает его шокирующую отчужденность от реальных индивидуальных человеческих трагедий и растворенную в нем нормативно закрепленную лексику и фразеологию насилия» (Лехциер 2020, с. 125).

В обобщенном виде в поэтическом корпусе можно выделить три основных вида отклонений от нормативного употребления: (1) нарушения логических связей в высказывании, которые в широком смысле могут быть обозначены как *non sequitur*¹⁴; (2) синтаксические и структурные аномалии; (3) изменения прагматических функций.

1) Нарушение причинно-следственных связей (*non sequitur*).

— *Формально корректная аргументация как элемент псевдонаучного дискурса* реализуется, когда логическая структура высказывания сохраняется, однако использование ДМ приобретает иронический или метарефлексивный характер.

В следующем примере логический оператор *следовательно* вводит вывод, который формально соотносится с предшествующим аргумен-

¹⁴ Лат. «не следует» — термин, обозначающий логическую ошибку. В настоящей работе термин *non sequitur* используется не в узком формально-логическом смысле, а как обобщающее обозначение прагматически маркированных отклонений, при которых МПСС формально сигнализирует вывод, статус которого оказывается неоднозначным.

том, но при этом редуцирует логику медицинского и религиозно-философского дискурсов до тривиального предписания, создавая эффект псевдонаучного обобщения:

О тибетской медицине:

Всех болезней четыреста четыре <...>
И предвестник смерти — гнев больного
На врачей, лекарства и на близких.

Следовательно,
Чтобы излечиться,
Надо научиться не сердиться
На врачей, лекарства и на близких (Л. Мартынов).

— «Обнажение» аргументативных клише судебного дискурса. В отличие от рассмотренных выше абсурдистских текстов обэриутов, где юридическая аргументация подвергается гротескному пародированию, в поэзии второй половины XX века этот прием приобретает форму фрагментарного воспроизведения судебно-административных клише. У А. Вознесенского маркер *следовательно* используется как формула институционального вывода, однако логическая цепочка намеренно обрывается или дублируется, утрачивая доказательную функцию:

Собрал на заводе боевой

автомат.

Отбыл срок,

следовательно...

ДОМОУПРАВ:

Намек?

ХУСАИНОВ:

Следовательно, не мог (А. Вознесенский).

— *Переосмысление картезианского вывода: non sequitur как рефлексия рационализма.* Особый подтип нарушения логического вывода в поэтическом тексте связан с рефлексией картезианской формулы *cogito ergo sum*, которая в философской традиции выступает образцом предельной рациональности и самообнаружения субъекта в акте мышления. В современной европейской поэзии данная формула неоднократно воспроизводится, трансформируется или рефлексивируется, при этом маркер логического вывода употребляется только формально, утрачивая функции логической связи.

В следующем примере из текста итальянского поэта М. Дзаффарано *quindi* актуализирует интертекстуальную отсылку к формуле *cogito ergo sum*¹⁵, однако из-за отсутствия логической связи между прошлым,

¹⁵ Хотя в итальянском переводе картезианской фразы употребляется *dunque* (*penso dunque sono*), можно отметить, что оба эти маркера обладают не только структурными свойствами, но и инференциальным потенциалом, стимулируя адресата достраивать логическую цепочку.

словом и мыслимым логическая импликация нарушается, смещая фокус на проблему смыслообразования и логико-семантических связей между языком, временем и мышлением:

il passato e **quindi** il pensato
il passato in quanto corrisponde alla parola
il pensato in quanto corrisponde alla parola
il pensato che va in direzione opposta¹⁶ (M. Zaffarano).

Сходная стратегия обнаруживается и в русскоязычной поэзии, где картезианская формула становится объектом систематического переосмысления и варьирования, когда *следовательно* сохраняет формальную позицию логического оператора, однако аргумент и вывод меняются местами и вступают во взаимное противоречие:

Я мыслю **следовательно** существую
я существую **следовательно** не мыслю
я мыслю **следовательно** не существую (К. Кедров).

Здесь нарушение логики носит структурный характер: повторяемость маркера вывода обнажает условность самой модели рационального обоснования субъекта.

В текстах В. Эрля картезианский вывод описывается как механически воспроизводимая формула, лишенная содержательной аргументации, — *заводной попугай*, повторяющий логическую связку:

Надо признаться, что философия издавна славится своими дурацкими вопросами. Сама она (философия) ни на один из них, конечно, ответить не может, а только повторяет, как заводной механический поп-арт («попугай»): «Я мыслю, **следовательно**, я существую! Я мыслю, следовательно...» (В. Эрль).

В диалогическом поэтическом фрагменте логическая связка функционирует как элемент доведенной до предела логики, когда вывод приобретает апофатический характер. Логика не нарушается, но доводится до точки самоотрицания, превращаясь из средства обоснования в средство отрицания субъекта:

Молодой Китаец: А вот теперь ты больше не мыслишь.
Пожилый Китаец: И, **следовательно**, больше не существуешь.
Мертвый Китаец: Но зато теперь мы с тобой почти что одно и то же (В. Эрль).

— *Вывод отсутствует либо не имеет прямых логических связей с аргументом.* В примере из текста А. Драгомощенко логическая организа-

¹⁶ Прошедшее и, следовательно, мыслимое / прошедшее, ибо оно соответствует слову / мыслимое, ибо оно соответствует слову / мыслимое, уходящее в обратную сторону (перевод автора статьи. — О.С.).

ция высказывания, маркированная *следовательно*, представляется нарушенной, поскольку ДМ расположен в конце строки и строфы, непосредственно не вводя какой-либо последующий фрагмент:

Он бросил собаку что неожиданно
Собака ест птицу **следовательно**

Она парит в воздухе kua kai he kuli emapu
Ты съешь собаку без перевода (А. Драгомощенко).

2) Переосмысление лексико-семантических отношений.

— *Антитеза, выраженная в форме вывода*, формируется, поскольку *зима* и *лето*, с одной стороны, употребляются как контекстуальные, или реляционные, антонимы, противопоставляясь в рамках системы времен года, а с другой — между ними выстраивается причинно-следственная связь, что усиливает эффект контраста:

Гипнотизирует сама
Идея что где лето там зима
А где зима там **следовательно** лето (Д. Давыдов).

— *Нарушение гипер-гипонимических отношений* приводит к размыванию логической и онтологической иерархии единиц времени:

У часов есть циферблат, но отсутствуют стрелки:
даже при самом пристальном изучении циферблата
мы все не узнаем определенный час суток,
а **следовательно**, мало кто догадывается, какой сейчас век:
каменный или не каменный, что ли (В. Соснора).

— *Нарушение оснований дедукции* осуществляется с помощью вывода, который построен на отрицании логической предпосылки: отсутствие начала истории парадоксальным образом становится аргументом в пользу ее будущего начала, что приводит к подрыву самой идеи линейного времени и причинности.

впрочем, история эта не имеет начала,
следовательно она из тех историй, которые
рано или поздно начнутся (В. Казаков).

3) Употребление МПСС в нестандартной дистрибуции.

— *Парцелляция* намеренно нарушает линейную логику с помощью неполных конструкций, которые синтаксически разделены на независимые фрагменты:

заголовки газет
в туалете,
мутное отражение в зеркале
(не вспомнить уже — чье).

В них живет
смерть.
Одна на всех — как причастие.
Следовательно, и моя (Е. Вежлян).

Витгенштейн говорит об исключении детали из общего механизма, который, надо полагать, продолжает действовать, — однако о прекращении действия машины в целом ничего не говорится. **Следовательно**, «не-работа» (А. Драгомощенко).

— *Нарушение типичной дистрибуции маркера вывода* возникает, когда между маркером *следовательно* и выводом включается протяженный описательный сегмент, из-за чего связь «аргумент → вывод» становится отсроченной в локальном контексте и размывается¹⁷. В следующем примере *следовательно* не маркирует непосредственный переход к выводу, как в нормативном употреблении, а функционирует как сигнал отложенного вывода, который требует дополнительной интерпретации читателем:

#несобственно прямая объективность в сценарной склейке есть лишь предлог, она нужна для того, чтобы показывать косвенно, с помощью какого-либо нарративного алиби, а **следовательно**, тип кадра, который используется для внутренних монологов такого рода маскирующего — это взгляд, видящий мир в основном в иррациональном свете... (Я. Выговский).

4) Расширение прагматических функций.

— *Повтор* ДМ в поэтическом высказывании, в отличие от обыденного языка, не является тавтологичным. В данном примере повтор *следовательно* ослабляет его собственно логическую функцию: вместо однократного вывода формируется цепочка дедукций, в которой *следовательно* структурирует градацию смыслов и ритм высказывания. В результате маркер оформляет не рациональный вывод, а проговаривание травматического содержания:

(похоже, вынужденного) она решила,
что одесской родни не существует,
как когда-то решила,
что в мире отсутствует смерть,
и, **следовательно**, кладбища,
и, **следовательно**, могилы родителей (Б. Херсонский).

— *Контекстуальная ресемантизация*. Процесс семантического «обесцвечивания» (десемантизации), характерный для формирования ДМ и связанный с утратой исходного лексического значения (Heine 2003, p. 579), становится объектом метаязыковой рефлексии в современной поэзии, что выражается в виде «контекстуальной ресемантизации» — реактуа-

¹⁷ О нормативном употреблении метатекстовых маркеров см. в приведенном выше определении (Traugott 2018).

лизации прагматической единицы как семантически нагруженной¹⁸. В тексте А. Скидана ресемантизация происходит за счет актуализации общего этимологического корня *след* у полнзначного слова и дискурсивного маркера:

и **следователь** говорит
и **следовательно** <не> существуешь (А. Скидан).

Таким образом, ресемантизация позволяет вернуть ДМ статус семантически нагруженных единиц. В результате маркер становится ключевым элементом высказывания, участвующим в метарефлексии о языке, коммуникации и границе между обыденным и поэтическим высказыванием.

4. Функционирование *следовательно* в судебном дискурсе

Анализ судебного дискурса показывает, что способы отклонения от базовой функции логической связки здесь ограничены по сравнению с поэтическим дискурсом. Основные типы отклонений в функционировании *следовательно* в судебных текстах включают:

1) Нарушение причинно-следственных связей (*non sequitur*) возникает в тех случаях, когда маркер формально вводит вывод, который логически не вытекает из аргумента, либо опирается на недостаточное / имплицитное основание. В таких контекстах МПСС усиливает риторический эффект вывода, создавая видимость строгой логики и маскируя логический разрыв: *Организация не представила подтвержденные кредитной организацией данные о ежемесячном обороте средств по имеющимся у заявителя счетам за три месяца, предшествующие подаче ходатайства, а следовательно, не доказала, что имущественное положение заявителя не позволяет уплатить государственную пошлину в установленном размере.*

Здесь *следовательно* сигнализирует логический переход, хотя вывод основан лишь на недостаточности информации, или *argumentum ad ignorantiam*¹⁹: X (неполно) → *следовательно* → Y (категорический вывод).

Исследуя роль идиом и метафор в одном из подвидов судебного дискурса, А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский подчеркивают манипулятивный эффект речевых оборотов в судебных текстах, основанный на «принципиальной защищенности имплицитных элементов плана

¹⁸ В отличие от лексикализации, имеющей диахронический характер и приводящей к формированию нового слова с автономной семантикой (см. анализ *tout-à-fait* в (Bally 1944, p. 148)), ресемантизация осуществляется синхронно и направлена на восстановление этимологических и семантических связей дискурсивного маркера, что позволяет вернуть утраченные компоненты лексического значения.

¹⁹ Лат. *argumentum ad ignorantiam* — «аргумент к незнанию», логическая ошибка, при которой истинность или ложность утверждения выводится исключительно из отсутствия доказательств противоположного, хотя само по себе незнание не может служить достаточным основанием для такого вывода.

содержания высказывания от попыток выяснения их истинного статуса» (Баранов, Добровольский 2008, с. 488). Это согласуется с природой аргументативного дискурса, в котором «успешность акта аргументации означает понимание слушателем того конкретного вывода, который имел в виду говорящий, причем вывод может быть имплицитным» (Иоанесян 2023, с. 4).

Аналогичный манипулятивный потенциал характерен для МПСС в судебном дискурсе, когда они сочетают функцию маркеров логического перехода с эпистемической оценочностью, что наиболее последовательно реализуется при формульном употреблении.

2) Формульное употребление *следовательно*.

В судебных текстах *следовательно* может входить в устойчивые конструкции, ослабляя или утрачивая функцию логического вывода и выступая индикатором перехода к следующей части решения²⁰. Фиксированность иллокутивной силы позволяет таким конструкциям функционировать как декларативные высказывания, что сближает их с перформативно нагруженными речевыми формулами²¹. В судебном дискурсе конструкции со *следовательно* реализуют прежде всего декларативный речевой акт, поскольку они институционально фиксируют принятое решение. Это высказывания, которые меняют коммуникативную ситуацию или социальную реальность в момент произнесения (ср. с классическим примером Дж. Остина: *Я объявляю вас мужем и женой*).

Типы речевых формул со *следовательно*:

I. Формулы нормативной возможности / обязанности.

Схема: (DM(INFER))²² + [Institutional Subject] + Mod + V(INF).

Примеры: *следовательно, суд может / должен / вправе + INF*.

Контекст: *Задача суда состоит в устранении явной несоразмерности штрафных санкций, следовательно, суд может лишь уменьшить размер неустойки до пределов, при которых она перестает быть явно несоразмерной <...>*.

Манипулятивный эффект: использование *следовательно* в сочетании с модальными глаголами и предикатами (*может / должен*) создает эффект нормативной неизбежности, при котором санкционируемое действие представляется как логически вытекающее из предшествующего анализа. При этом сама операция («разрешение», «обязанность», «отсутствие необходимости») не выводится логически, а вводится институционально.

²⁰ Решение как судебный жанр включает вводную, описательную, мотивировочную и резолютивную части (где содержатся выводы и изложение позиции суда).

²¹ Ср. с идиомами-перформативами – законченными выражениями или пропозициональными формами, которые вводят в дискурс различные речевые акты (например, проклятия: *чтобы ему пусто было*) (Баранов, Добровольский 2008, с. 88).

²² Сокращение DM(INFER) обозначает “inferential discourse markers”, в терминологии (Fraser 2006, p. 196). Выделение скобками указывает на то, что маркер может занимать как инициальную, так и медиальную позицию в высказывании.

II. Формулы снятия альтернативы.

Схема: (DM(INFER)) + [Institutional Subject] + V(finding/conclusion)²³.

Примеры: *следовательно, суд приходит к выводу.*

Контекст: *Следовательно, суд первой инстанции приходит к выводу о наличии правовых оснований для списания пени по спорному договору.*

Манипулятивный эффект: в данных конструкциях *следовательно* «маскирует» переход от рассуждения к фиксации результата как логически необходимого вывода. Уже принятое решение оформляется в виде следствия, тем самым фиксируя правовую оценку и снижая возможность выбора. В имперсональных конструкциях дополнительно размывается субъект ответственности за вывод, что усиливает эффект его объективности.

III. Формулы резолютивного отклонения.

В связи с различными грамматическими способами реализации данной формулы в разных языках можно выделить несколько конструкций:

Схема: (DM(INFER)) + [Institutional Subject] + V(finite).

Примеры: *следовательно, суд отклоняет доводы ответчика.*

Контекст: *Таким образом, истец справедливо исходит из того, что ОУМИ администрации МО «Инта», должен выполнять обязанности собственника в отношении этой квартиры, как выморочного имущества (статья 1151, пункт 4 статьи 1152, пункт 1 статьи 1157 Гражданского кодекса Российской Федерации). Следовательно, суд отклоняет доводы ответчика.*

Манипулятивный эффект: *следовательно* функционирует как средство авторитетной дисквалификации аргумента, при котором отказ или отклонение представляется как логическое следствие.

IV. Маркер композиционного перехода между частями судебного решения.

В ряде случаев маркеры *следовательно* функционируют как метатекстовые индикаторы перехода от аналитической части решения к резолютивной, что характерно для устойчивых формул, привязанных к композиционной структуре судебного текста. В отличие от европейской судебной традиции, где части текста обозначаются эксплицитно (например, *Question 1/2, Sulla prima / seconda questione*), в русскоязычном судебном дискурсе композиционный переход не оформляется в виде вопросно-ответного блока, однако регулярно маркируется формулами, вводящими разрешение отдельного процессуального вопроса (*Следовательно, разрешая вопрос о и т. п.*).

Схемы выражения этой формулы могут быть разными, но в них часто присутствует метатекстовое указание на соответствующий пункт решения, например: *следовательно, при решении / рассмотрении судом вопроса о; следовательно, разрешая вопрос о.*

²³ Имеются в виду глаголы установления факта (*найти, установить*) и формулирования вывода (*решить, отклонить*).

Контекст: Они являются недвижимыми вещами как самостоятельные объекты гражданских прав, в силу чего их правовой режим отличается от правового режима помещений, установленного в пункте 1 статьи 290 Гражданского кодекса Российской Федерации и части 1 статьи 36 Жилищного кодекса Российской Федерации. **Следовательно, разрешение вопроса о том, относится ли конкретное помещение к общему имуществу многоквартирного дома, зависит не только от технических характеристик объекта, но и от назначения данного помещения – возможности его использования как самостоятельного.**

Манипулятивный эффект: в композиционных формулах следовательно имитирует инференциальную связь между анализом и ответом, тем самым сглаживая разрыв между рассуждением и институциональным решением. Это усиливает восприятие резолютивной части как естественного и единственно возможного итога предшествующего обсуждения, даже в тех случаях, когда логическая необходимость такого перехода не эксплицируется.

Подчеркнем, что в результате формульного употребления МПСС сохраняют метатекстовую функцию, но не столько обеспечивают логическую связность, сколько «имитируют» ее, оформляя переход от анализа к ответу и организуя текстовую когезию.

Таким образом, в отличие от поэтического дискурса, где подобные маркеры становятся объектом лингвокреативного переосмысления, в судебной коммуникации они выполняют функцию жанровых индикаторов, обеспечивая воспроизводимость, авторитетность и процедурную предсказуемость речевого акта.

5. Выводы

Таким образом, маркер *следовательно*, традиционно описываемый как средство логической связности и аргументации, в поэтическом и судебном дискурсах реализует принципиально различные прагматические стратегии. В поэтическом дискурсе данные маркеры могут утрачивать функцию строгого инференциального оператора и становиться инструментами лингвокреативности и расширения спектра функций как объекты метаязыковой рефлексии. В судебном дискурсе, напротив, употребление МДМ характеризуется ограничением функций и формульностью: включаясь в устойчивые процедурно обусловленные конструкции, эти маркеры выполняют декларативную функцию фиксации институционального решения. В судебных текстах *следовательно* нередко маскирует переход от рассуждения к вердикту как логически обусловленный, что придает ему имплицитный манипулятивный потенциал. Таким образом, сопоставительный анализ выявляет асимметрию прагматических функций МДМ в зависимости от коммуникативной установки дискурса: лингвокреативной в поэзии и регулятивно-институциональной в судебной коммуникации.

Благодарности. Исследование выполнено в рамках проекта FMNE-20250001, поддержанного Министерством высшего образования и науки РФ.

Список литературы

Баранов, А.Н., Добровольский, Д.О., 2008. *Аспекты теории фразеологии*. М., 656 с. [Baranov, A.N., Dobvol'skij, D.O., 2008. *Aspects of the theory of phraseology*. Moscow (in Russ.)] EDN: PVXTDD.

Босов, А.Е., 2025. Мотивационно-прагматический эскиз русскоязычного судебного акта. *Иностранные языки в высшей школе*, 3 (74), с. 35–44. [Bosov, A.E., 2025. Russian court decision in terms of linguistic pragmatics. *Foreign Languages in Tertiary Education*, 3 (74), pp. 35–44 (in Russ.)] EDN: CMFUFJ, <https://doi.org/10.37724/RSU.2025.74.3.005>.

Говорухо, Р.А., 1998. Семантика и прагматика итальянских коннекторов *dunque* и *quindi*. В: *Актуальные проблемы романистики*. Смоленск, с. 65–74. [Govorukho, R. A., 1998. Semantics and pragmatics of Italian connectors *dunque* and *quindi*. In: *Current Issues in Romance Studies*. Smolensk, pp. 65–74 (in Russ.)].

Дубровская, Т.В., 2010. *Судебный дискурс: речевое поведение судьи (на материале русского и английского языков)*. М., 351 с. [Dubrovskaya, T.V., 2010. *Legal discourse: speech behavior of a judge (based on Russian and English)*. Moscow, 351 p. (in Russ.)] EDN: QRRXZB.

Зрелова, М.В., 2018. Языковые средства выражения аргументации в судебном дискурсе (на материале речи прокурора в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»). *Слово. ру: балтийский акцент*, 9 (1), с. 86–93. [Zrelova, M.V., 2018. Linguistic Means Expressing Argumentation in Judicial Discourse late 19th: The Prosecutor's Speech in Dostoevsky's *The Brothers Karamazov*). *Slovo. ru: Baltic Accent*, 9 (1), pp. 86–93 (in Russ.)] EDN: YRTIML, <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2018-1-7>.

Иоанесян, Е.Р., 2023. *Функционирование языковых единиц в аргументативном дискурсе (сопоставительный аспект)*. М., 214 с. [Ioanesyan, E.R., 2023. *Functioning of linguistic units in argumentative discourse (comparative aspect)*. Moscow, 214 p. (in Russ.)] EDN: DYQVQV.

Карасик, В.И., 2002. *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*. Волгоград, 477 с. [Karasik, V.I., 2002. *Language Circle: Personality, Concepts, Discourse*. Volgograd, 477 p. (in Russ.)] EDN: UGQAMP.

Лехциер, В.Л., 2020. *Поэзия и ее иное: философские и литературно-критические тексты*. Екатеринбург; М., 190 с. [Lechtsier, V.L., 2020. *Poetry and Its Other: Philosophical and Literary-Critical Texts*. Yekaterinburg; Moscow, 190 p. (in Russ.)].

Мишиева, Е.М., 2015. *Дискурсивные маркеры в молодежной онлайн-коммуникации: на материале английского языка: дис. ... канд. филол. наук*. М., 233 с. [Mishieva, E.M., 2015. *Discourse markers in youth online communication: evidence from English*. PhD Dissertation. Moscow, 233 p. (in Russ.)] EDN: GZZIRT.

Морковкин, В.В. и др., 2003. *Объяснительный словарь русского языка: структурные слова: предлоги, союзы, частицы, междометия, вводные слова, местоимения, числительные, связочные глаголы: около 1200 единиц*. 2-е изд. М. [Morkovkin, V.V. et al., 2003. *Explanatory Dictionary of the Russian Language: Structural Words: Prepositions, Conjunctions, Particles, Interjections, Parenthetical Words, Pronouns, Numerals, Copular Verbs: about 1200 words*. 2d ed. Moscow (in Russ.)].

Новикова, А.С., 2015. *Отношения вывода и средства их оформления в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук*. М., 22 с. [Novikova, A.S., 2015. *Inferential relations and their linguistic expression in contemporary Russian*. PhD thesis. Moscow, 22 p. (in Russ.)] EDN: XBHAOP.

Радбиль, Т.Б., Юматов, В.А., 2014. *Язык судебной экспертизы: тенденции формирования и развития*. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*.

чевского, 3–2, с. 185–190. [Radbil, T. B., Yumatov, V. A., 2014. The language of forensics: formation and development trends. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 3–2, pp. 185–190 (in Russ.)] EDN: RIDEHX.

Ревзина, О.Г., Ревзин, И.И., 1971. Семиотический эксперимент на сцене (Нарушение постулата нормального общения как драматургический прием). В: *Труды по знаковым системам V. Учёные записки Тартуского государственного университета*, Тарту, с. 232–254. [Revzina, O. G., Revzin, I. I., 1971. Semiotic experiment on stage (Violation of the postulate of normal communication as a dramaturgical device). In: *Sign Systems Studies V. Scientific Notes of Tartu State University*. Tartu, pp. 232–254 (in Russ.)].

Соколова, О.В., Захаркив, Е.В., 2025. Прагматика и поэтика: поэтический дискурс в новых медиа. М., 328 с. [Sokolova, O. V., Zakharkiv, E. V., 2025. *Pragmatics and poetics: poetic discourse in new media*. Moscow, 328 p. (in Russ.)] EDN: HMMCTS.

Соколова, О.В., Фещенко, В.В., 2024. Прагматические маркеры в современной поэзии: корпусно-дискурсивный анализ. *Russian Journal of Linguistics*, 28 (3), с. 706–733. [Sokolova, O. V., Feshchenko, V. V., 2024. Pragmatic markers in contemporary poetry: A corpus-based discourse analysis. *Russian Journal of Linguistics*, 28(3), pp. 706–733 (in Russ.)] EDN: YAADPP, <https://doi.org/10.22363/2687-0088-40107>.

Сытько, А.В., 2023. Хеджирование в деонтических высказываниях (на материале немецкого и русского языков). *Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете*, 13, с. 392–412. [Sytko, A. V., 2023. Hedging in deontic statements (on the material of German and Russian languages). *German Philology in St. Petersburg State University*, 13, pp. 392–412 (in Russ.)] EDN: MTAPDL, <https://doi.org/10.21638/spbu33.2023.122>.

Фещенко, В.В., 2023. Язык в языке: Художественный дискурс и основания лингвoэстетики. М., 368 с. [Feshchenko, V. V., 2023. *Language within language: literary discourse and the foundations of linguistic aesthetics*. Moscow, 368 p. (in Russ.)] EDN: FBAMBT.

Фещенко, В.В., 2024. Трактат в обличье поэмы: пограничный жанр и особенности его языковой организации. *Слово.ру: балтийский акцент*, 15 (2), с. 144–159. [Feshchenko, V. V., 2024. Treatise disguised as poem: the border-line genre and its linguistic features. *Slovo.ru: Baltic Accent*, 15 (2), pp. 144–159 (in Russ.)] EDN: BWDMTG, <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2024-2-9>.

Bally, C., 1944. *Linguistique Générale et Linguistique Française*. Berne, 440 p.

Bazzanella, C., 2005. *Linguistica e pragmatica del linguaggio*. Roma, 264p.

Bazzanella, C., 2010. Segnali discorsivi. In: R. Lorenzo and S. Giampaolo, eds. *Grammatica dell'italiano antico*. Bologna, pp. 1339–1357.

Dér, C. I., 2010. On the status of discourse markers. *Acta Linguistica Hungarica*, 57 (1), pp. 3–28, <https://doi.org/10.1556/aling.57.2010.1.1>.

Fraser, B., 1996. Pragmatic markers. *Pragmatics*, 2 (6), pp. 167–190.

Fraser, B., 2006. Towards a theory of discourse markers. In: K. Fischer, ed. *Approaches to Discourse Particles*. Leiden, The Netherlands, pp. 189–204.

Furkó, B. P., 2005. *The pragmatic marker – discourse marker dichotomy reconsidered – The case of well and of course*. PhD Dissertation. Debrecen.

Furkó, B. P., 2020. *Discourse Markers and Beyond: Descriptive and Critical Perspectives on Discourse-Pragmatic Devices across Genres and Languages*. Cham, 285 p.

Goźdz-Roszkowski, S., 2011. *Patterns of Linguistic Variation in American Legal English. A Corpus-Based Study*. Frankfurt a/M, 280 p.

Heine, B., 2003. Grammaticalization. In: B. Joseph and R. Janda, eds. *The Handbook of Historical Linguistics*. Oxford, pp. 575–601.

Maschler, Y., 2009. *Metalanguage in Interaction: Hebrew Discourse Markers*. Amsterdam.

Maschler, Y. and Schiffrin, D., 2015. Discourse Markers: Language, Meaning and Context. In: *The Handbook of Discourse Analysis*. Oxford, pp. 189–221.

Müller, S., 2005. *Discourse markers in native and non-native English discourse*. Amsterdam; Philadelphia, 290 p.

Pecorari, F. and Pinelli, E., 2024. Architetture testuali in contrasto: preferenze d'uso dei connettivi avverbiali italiani e russi nei corpora paralleli del NKRJa. In: M. di Filippo, O. Inkova and P. Macruová, eds. *Architetture testuali. Simmetrie e asimmetrie a confronto*. Napoli. pp. 297–323.

Sansò, A., 2020. *I segnali discorsivi*. Roma, 128 p.

Schiffrin, D., 1987. *Discourse markers*. Cambridge.

Sokolova, O.V., 2025. Metatextual discourse markers as pragmatic units: A corpus-based analysis of poetic discourse and colloquial speech. *Russian Journal of Linguistics*, 29 (4), pp. 769–794, EDN: KHCVAF, <https://doi.org/10.22363/2687-0088-45733>.

Traugott, E. C., 2018. Modeling language change with constructional networks. In: S.P. Bordería and Ó.L. Lamas, eds. *Beyond Grammaticalization and Discourse Markers*. Leiden; Boston, pp. 17–50.

Traugott, E. C., 2021. A constructional perspective on the rise of metatextual discourse markers. *Cadernos de Linguística*, 2 (1), e269, <https://doi.org/10.25189/2675-4916.2021.v2.n1.id269>.

Об авторе

Ольга Викторовна Соколова, доктор филологических наук, старший научный сотрудник, Институт языкознания РАН, Москва, Россия.

ORCID ID: 0000-0003-4399-0094

SPIN-код: 7413-1962

E-mail: olga.sokolova@iling-ran.ru

Для цитирования:

Соколова О. В. Non sequitur: дискурсивный маркер *следовательно* в поэтическом и судебном дискурсах // Слово.ру: балтийский акцент. 2026. Т. 17, №2. С. 148–166. doi: 10.5922/2225-5346-2026-2-8.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CC BY-NC 4.0 Attribution-NonCommercial 4.0 International Deed ([HTTPS://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY-NC/4.0/DEED.RU](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/deed.ru))

NON SEQUITUR: THE DISCOURSE MARKER 'SLEDOVATEL'NO' (THEREFORE) IN POETIC AND JUDICIAL DISCOURSE

Olga V. Sokolova

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences,
1 bld. 1 Bolshoy Kislovsky Pereulok, Moscow, 125009, Russia

Submitted on 05.10.2025

Accepted on 29.01.2026

doi: 10.5922/2225-5346-2026-2-8

The paper presents a comparative analysis of the inferential discourse marker Rus. 'sledovatel'no' (Eng. therefore) in poetic and judicial discourses. The relevance of the study lies in the insufficient attention paid to the pragmatic dimension of discourse markers in insti-

tutional and literary communication. The research aims to identify discourse-specific patterns of functional change in inferential markers operating under opposing communicative orientations: linguistic creativity in poetry and normative regulation in judicial discourse. The data comprise corpora of poetic and judicial texts. The methodology combines corpus-based discourse analysis with pragmatic and speech act theory. In poetic discourse, inferential markers may lose their function of logical inference and be reinterpreted as means of metalinguistic reflection and disruption of logical-syntactic relations. In judicial discourse, by contrast, inferential markers are integrated into procedural formulas and perform a declarative illocutionary function, institutionally fixing decisions and presenting them as logically inevitable. The study reveals a discourse-driven asymmetry in the pragmatic effects of inferential discourse markers, demonstrating their linguo-creative potential in poetry and their manipulative as well as regulatory functions in judicial communication.

Keywords: discourse markers, metatextual function, cause-effect, poetic discourse, judicial discourse, pragmatics, manipulation

Acknowledgements. This work was supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation under project FMNE-20250001.

The author

Prof. Olga V. Sokolova, Senior Research Fellow, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

ORCID ID: 0000-0003-4399-0094

E-mail: olga.sokolova@iling-ran.ru

To cite this article:

Sokolova, O.V., 2026, Non sequitur: the discourse marker 'sledovatel'no' (therefore) in poetic and judicial discourse, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 17, no. 2, pp. 148–166. doi: 10.5922/2225-5346-2026-2-8.

